

Письма Н. И. Пирогова къ невѣстѣ.

(Посвящается памяти Владиміра Николаевича Пирогова).

Свой знаменитый „Дневникъ стараго врача“, опубликованный въ „Русской Старинѣ“ (1884—1887 гг.), Н. И. Пироговъ, къ великому сожалѣнію, успѣлъ довести только до 1842 г. ¹⁾ Очень подробно остановившись въ этой автобіографіи на изображеніи своихъ дѣтскихъ и юношескихъ

¹⁾ Отдѣльнымъ изданіемъ вышелъ въ свѣтъ нѣсколько разъ. Последнее изданіе—„Пироговскаго т-ва“, 1910 г.—съ примѣчаніями и подъ ред. д-ра Ю. Г. Малиса, дополненное главой о политическихъ взглядахъ автора. Въ „Рус. Старинѣ“, кромѣ „Дневника“, были напечатаны еще слѣдующія произведенія Пирогова: Письмо къ К. К. Зейдлицу изъ Севастополя, — 1885, авг. (вошло въ отд. изд. „Севастопольскихъ писемъ“, 1907); сообщеніе пермскому земству объ организаціи медиц. помощи населенію, 1886, ноябрь; о преобразованіи Одесскаго Лицея въ университетъ, 1887, декабрь; объ открытіи кафедръ географіи при университетахъ, 1887, ноябрь (оба включены въ собр. сочин. П., изд. 1914 г.); письмо къ іеромонаху Веніамину о Крестовоздвиженской общинѣ, 1891, іюль; письмо къ Е. П. Ковалевскому о цензурѣ, изъ Одессы, 1898, февр. (включено въ собр. соч., 1914); письмо къ Н. А. Корфу—1895, янв. Изъ статей о Пироговѣ, помѣщенныхъ въ „Р. Ст.“, отмѣчу главнѣйшія: очерки І. В. Бертенсона—1881, мартъ; 1882, дек.; 1885, янв.; Н. П. Розановъ—1881, іюль (метрич. выписи); къ юбилею 1881 года—1881, сент.; А. Л. Колянковскій (объ одесскомъ періодѣ)—1883, дек.; о послѣднихъ дняхъ жизни—1884, окт.; А. Добровъ (объ одесск. періодѣ)—1885, іюнь; письмо К. К. Зейдлица къ Пирогову—1885, сент.; Л. Змѣевъ—біограф. оч. и библиографія—1886, сент.; Л. Малининъ (о посѣщеніи П. Моск. универс.; приводится его рѣчь, включенная въ собр. соч. 1914 г.)—1886, ноябрь; С. Н. Кулябка (воспом. о кievск. періодѣ)—1892, сент.; Б. Юзефовичъ (о кievск. періодѣ)—1895, окт.; Н. П. Кудрявцевъ (метрич. выписки)—1910, дек.; А. Андриашевъ (о кievскомъ періодѣ)—воспоминанія, напечатанныя въ теченіе 1911 и 1912 гг. Подробная библиографія у А. И. Шингарева въ біографіи Пирогова, въ Альбомѣ „Н. И. Пироговъ и его наслѣдіе—Пироговскіе сѣзды“ и у А. Г. Фомина въ сборникѣ о Пироговѣ, изд. газ. „Шк. и Жизнь“. Спб. 1911.

годовъ, давъ весьма яркую и обстоятельную картину годовъ своего ученія въ Москвѣ, и особенно, въ Дерптѣ и за границей, успѣвъ затѣмъ коснуться лишь въ незначительной степени своей профессорской дѣятельности и весьма подробно развивъ въ „Дневникѣ“ философскіе, религіозные и отчасти политическіе взгляды, — Н. И. Пироговъ едва лишь перешелъ къ изображенію своихъ зрѣлыхъ годовъ, едва лишь успѣлъ дать вступленіе къ изображенію зрѣлыхъ лѣтъ своей жизни, столь грандіозной по результатамъ и по животворному вліянію на русскую общественность, какъ смерть вырвала карандашъ изъ одряхлѣвшей руки великаго человѣка.

Вскорѣ послѣ смерти Н. И. Пирогова въ печати стали появляться статьи и воспоминанія лицъ, имѣвшихъ счастье близко знать великаго хирурга и общественнаго дѣятеля въ различные періоды его жизни. Среди нихъ имѣются матеріалы, относящіеся къ дерптскому періоду жизни Пирогова, къ поѣздкѣ его на Кавказъ (1848), къ дѣятельности въ Севастополѣ (1855—1856), къ административно-педагогической дѣятельности въ Одессѣ и Кіевѣ (1856—1861), къ заграничному періоду дѣятельности (1862—1866), къ работѣ во время русско-турецкой войны и нѣкоторыя (крайне противорѣчивыя и случайныя) свѣдѣнія о жизни въ деревнѣ.

Но тотъ моментъ жизни, который только успѣлъ затронуть Н. И. Пироговъ на послѣднихъ страницахъ своего „Дневника“, такъ и остался необрисованнымъ. И тѣмъ ощутительнѣе былъ этотъ пробѣлъ въ Пироговской литературѣ, что онъ относится къ интимной жизни знаменитаго общественнаго дѣятеля и ничѣмъ, кромѣ свидѣтельствъ лицъ, близкихъ къ нему при его жизни, да подлинныхъ показаній самого Н. И. Пирогова, — не могъ быть восполненъ.

Такимъ образомъ, мы ничего почти не знали о женитьбѣ Н. И. Пирогова, объ его отношеніи къ семейной жизни, къ вопросамъ любви и т. п. Самъ Пироговъ рассказалъ въ „Дневникѣ“ о своемъ сватовствѣ къ Ек. Дм. Березиной, впоследствии его первой женѣ, и на моментъ, предшествовавшемъ свадьбѣ, обрывается его автобіографія, при чемъ въ ней ничего не говорится о чувствахъ, которыя испытывалъ уже въ то время европейски-извѣстный 32-лѣтній ученый къ своей молоденькой невѣстѣ.

Впоследствии, въ воспоминаніяхъ объ Ос. Ив. Сенковскомъ (Брамбеусъ), Е. Н. Ахматова удѣлила въ „Русской Старинѣ“ (1890, авг.) двѣ-три страницы изображенію (довольно бѣглому)

семейной жизни Н. И. Пирогова. Вполнѣ, повидимому, безпристрастное, свидѣтельство Е. Н. Ахматовой даетъ очень цѣнные штрихи для характеристики Пирогова въ отношеніи интересующаго насъ вопроса. Но все это, конечно, очень кратко изложено и требовало сопоставленія съ другими документами. А ихъ не было, если не считать четырехъ писемъ Пирогова къ Е. Н. Огонь-Догановской, опубликованныхъ въ 1899 г. С. А. Рачинскимъ и включенныхъ теперь въ собраніе сочиненій Пирогова. И эти письма немного разъясняли соотвѣтственную главу въ жизнеописаніи знаменитаго хирурга и педагога, потому что относились къ предсвадебному моменту 1842 г. да къ смерти первой жены автора.

Лѣтъ десять назадъ сынъ Н. И. Пирогова, бывшій профессоръ Новороссійскаго университета Владимиръ Николаевичъ Пироговъ ¹⁾ показывалъ мнѣ переплетенный томикъ писемъ его отца къ Александрѣ Антоновнѣ Бистромъ (впослѣдствіи второй женѣ Н. И. Пирогова), добавивъ, что письма эти представляютъ большой интересъ для характеристики религіозно-философскихъ воззрѣній Н. И., но что опубликованіе ихъ онъ считаетъ пока преждевременнымъ. Спустя нѣсколько лѣтъ Вл. Ник. Пироговъ, перемѣнившій уже свой взглядъ на этотъ предметъ, въ разговорѣ по поводу писемъ къ А. А. Бистромъ заявилъ мнѣ, что они исчезли и что онъ подозрѣваетъ похищеніе ихъ въ гостиницѣ, гдѣ онъ временно проживалъ тогда, въ виду того, что томикъ писемъ лежалъ въ исчезнувшемъ дорогомъ сафьяновомъ портфелѣ.

Предпринятые нами розыски оказались безрезультатными. Приходилось считаться съ фактомъ утраты очень важнаго для біографіи Пирогова матеріала, тѣмъ болѣе, что въ слѣдовавшихъ послѣ того времени частыхъ переѣздахъ В. Н. Пирогова письма могли уже, дѣйствительно, затеряться, такъ какъ нѣкоторые ящики съ вещами В. Н. и его книгами, вслѣдствіе ихъ громоздкости, оставлялись имъ на храненіе у случайныхъ лицъ. Наконецъ, В. Н. Пироговъ обосновался нѣсколько прочнѣе въ Марселѣ и выписалъ туда свои книги, среди которыхъ находились и предметы, имѣющіе отношеніе къ памяти его великаго отца. Когда В. Н. сообщилъ мнѣ объ этомъ, я напомнилъ ему о письмахъ къ А. А. Бистромъ, съ пропажей которыхъ трудно мириться всякому, интересующемуся жизнью и дѣятель-

¹⁾ Вл. Ник. Пироговъ родился 5 января 1846 г., умеръ (въ Марселѣ) 23 мая 1914 г.

ностью Н. И. Пирогова, и указалъ на возможность нахождения ихъ среди многочисленныхъ книгъ, брошюръ и газетныхъ вырѣзокъ о Николаѣ Ивановичѣ.

Въ письмѣ отъ 11 декабря 1914 г. В. Н. Пироговъ, сообщая мнѣ, что онъ разобралъ уже значительную часть доставленныхъ ему изъ Россіи ящиковъ, писалъ: „Письма едва-ли найдутся“. Но уже черезъ 2 дня онъ спѣшилъ извѣстить меня, что вскрылъ послѣдніе ящики, при чемъ результаты получились слѣдующіе:

„Несомнѣнно и писемъ недостаетъ (кромѣ многихъ фотографій, книгъ и другихъ предметовъ Н. И.),—но могу Васъ *обрадовать*—самыя интересныя, которыя я считалъ украденными, *нашлись*—переплетенныя. Въ этой книжкѣ я почему-то помѣстилъ и письма родственниковъ Александры Антоновны ей и др... Несомнѣнно, крупную цѣнность представляютъ 15 писемъ невѣсты, весной 1850 г.; въ нихъ можно видѣть, я думаю, въ значительной степени подъ вліяніемъ живописца Моллера (представителя вмѣстѣ съ генеральшей Козенъ и др. очень возвышенныхъ стремленій тогдашней нѣмецкой интеллигенціи въ С.-Петербургѣ), поворотъ покойнаго *versus* болѣе идеалистическаго направленія; они *очень важны* для характеристики духовной жизни покойнаго. Какъ увидите, прибавлено много писемъ мнѣ (и брату) не безъ репримандовъ и съ напутствіемъ на занятія наукою. Затѣмъ, кромѣ писемъ Гигинботома, Бунге, интересны письма, относящіяся къ придворнымъ отношеніямъ, въ особенности къ приглашенію послѣдовать за Государемъ къ больному Наслѣднику“... ¹⁾ Далѣе Вл. Ник. сообщаетъ о другой находкѣ—„это изящно-переплетенная съ золотымъ ободкомъ и литерами (тетрадь), преподнесенная покойнымъ въ 1824-мъ году къ празднику его отца. Содержитъ стихотворенія, частью другихъ, частью свои... Они очень характерны для будущаго таланта“...

Затѣмъ В. Н. Пироговъ повторяетъ, нѣсколько разъ, въ этомъ и другихъ письмахъ ко мнѣ о своемъ непремѣнномъ желаніи, чтобы письма его отца къ невѣстѣ и другія были, по возможности, немедленно напечатаны. Послѣ нѣкоторой переписки съ В. Н. мнѣ удалось, благодаря содѣйствію глубокоуважаемыхъ С. Ф. Ольденбурга, А. А. Шахматова и Б. Л. Модзалевскаго, устроить такъ, что подлинники писемъ поступаютъ въ рукописное отдѣленіе Императорской Академіи Наукъ съ

¹⁾ Н. И. Пироговъ лечилъ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

тѣмъ, что, согласно желанію В. Н., я опубликовываю самыя письма и присоединяю ихъ къ редактируемому мною собранію публицистическихъ статей Н. И. Пирогова.

Получивъ въ свое распоряженіе эти письма ¹⁾ и разсмотрѣвъ ихъ (благодаря любезности глубокоуважаемаго В. И. Срезневскаго это удалось мнѣ сдѣлать въ условіяхъ наиболѣе удобныхъ для работы), я увидѣлъ, что они представляютъ собою матеріалъ для характеристики Пирогова въ періоды, которые были наименѣе или почти совсѣмъ не освѣщены въ его біографіяхъ—для времени, предшествовавшаго его поступленію въ университетъ, и для времени, за которымъ почти непосредственно началась его общественная дѣятельность.

Что касается содержанія этихъ документовъ по существу, то въ нихъ мы находимъ самый разнообразный матеріалъ для характеристики великаго ученаго и дѣятеля съ совершенно новыхъ сторонъ и для освѣщенія тѣхъ сторонъ его дѣятельности, которыя имѣютъ особенно большое значеніе въ исторіи русской общественности.

Предлагаемыя здѣсь письма Н. И. Пирогова къ А. А. Бистромъ составляютъ незначительную по объему часть всего собранія, но представляютъ собою цѣльную по содержанію группу, посвященную вопросамъ религіозно-философскимъ, вопросу о бракѣ, объ отношеніи дѣтей къ родителямъ, о семейной жизни и, что интереснѣе всего, по абсолютной новизнѣ матеріала, изображенію любви Пирогова къ его второй невѣстѣ (женѣ). Разнообразныя и богатые по содержанію, эти письма вносятъ много данныхъ въ біографію знаменитаго хирурга и являются цѣннымъ вкладомъ въ литературу матеріаловъ для жизнеописанія Николая Ивановича Пирогова.

Дѣлая къ публикуемому мною тексту самыя незначительныя по размѣру, необходимыя для поясненія ихъ содержанія, примѣчанія, отмѣчу особенность правописанія Пирогова въ этихъ письмахъ. Помимо случайныхъ отступленій отъ обще-

¹⁾ Важность и своевременность предпринятыхъ шаговъ по возвращенію на родину великаго дѣятеля его писемъ доказывается тѣмъ, что вскорѣ послѣ этого и незадолго до начала европейской войны В. Н. Пироговъ скончался въ Марселѣ и всѣ оставшіяся послѣ него вещи застряли тамъ, при чемъ ближайшимъ родственникамъ его неизвѣстно даже, что именно и у кого осталось, а письма—самое цѣнное изъ этого наслѣдства—избѣгли случайностей военного времени и сохранены для потомства.

принятой орфографіи, Н. И. почти всегда, и въ этихъ письмахъ, а также въ позднѣйшихъ письмахъ и статьяхъ, пишетъ слова „счастье“, „присутствіе“, „чувство“ и производныя отъ нихъ такъ: „щастье“, „присудствіе“, „чувство“. Однако, изрѣдка встрѣчается и обычное правописаніе.

С. Штрайхъ.

I.

Четвергъ, 16 марта (1850 г.). Утро.

Незабвенные два дня въ моей жизни!—Я нахожусь у одра умирающей матери ¹⁾. Третьягодни она призвала меня, сестеръ, внучковъ ²⁾ и тебя заочно, благословила насъ, молила Бога о моемъ щастьи, молила Бога о тебѣ, благодарила меня, подняла глаза къ небу и прерывистымъ, но твердымъ голосомъ, выго-

¹⁾ Мать Н. И. Пирогова—Елизавета Ивановна, родилась, приблизительно, въ 1776 г., скончалась 16 марта 1850 г. (см. ниже) В. Н. Пироговъ въ письмѣ къ А. И. Шингареву, говоритъ, что его бабушка была урожденная Лукутина (А. И. Шингаревъ, „Жизнь и дѣятельность Н. И. Пирогова“ въ альбомѣ „Н. И. Пироговъ и его наслѣдіе—Пироговскіе сѣзды“, Слб. 1911, стр. 4), но подтвержденія этого указанія нѣтъ въ литературѣ. Возможно, что В. Н., по памяти, смѣшалъ фамилію воспріемника его знаменитаго отца, Лукутина, съ фамиліей дѣда. Ибо въ такомъ случаѣ Пироговъ не могъ бы мечтать о женитьбѣ на молоденькой дочери Лукутина, о любви къ которой онъ говоритъ въ „Дневникѣ“. Въ „дневникѣ стараго врача“ Пироговъ говоритъ о своемъ дядѣ по матери, фамилія котораго была Новиковъ (изд. 1910 г., стр. 470). И. И. Бартеневъ говоритъ о еврейскомъ происхожденіи матери Н. И. Пирогова („Русск. Арх.“ 1910, XII), не подтверждая этого заявленія никакими данными. Объ этомъ—моя замѣтка, съ указаніемъ литературы предмета, въ „Нов. Восх.“ № 24 за 1914 г.

²⁾ Н. И. Пироговъ былъ женатъ дважды. Въ первый разъ онъ женился на Екатериѣ Дмитриевнѣ Березиной (11 ноября 1842 г.), которая была близкой подругой дочери его учителя и предшественника по дерптской кафедрѣ И. Б. Мойера, Екатерины Ивановны, къ которой Пироговъ также сватался одно время и при посредствѣ которой онъ съ Березиной познакомился. Е. Д. Пирогова умерла въ началѣ 1846 г. отъ болѣзни, развившейся во время рожденія второго сына—Владимира. О Е. Д. Пироговой—см. письма Н. И. Пирогова къ Е. Н. Огонь-Догановской (Сочиненія т. I, подъ ред. С. Штрайха, изд. 1914 г.), послѣднія страницы „Дневника стараго врача“ (изд. подъ ред. Ю. Г. Малиса, 1910 г.) и любопытнѣйшія, очень интересныя для характеристики самого Пирогова, страницы въ воспоминаніяхъ Е. Н. Ахматовой о Сенковскомъ—„Русская Старина“, 1890, августъ. Отъ брака съ Березиной Пироговъ имѣлъ двухъ сыновей: Николая (родился 7 ноября 1843 г., умеръ въ 1891 г.) и Владимира (родился 5 января 1846 г., умеръ 23 мая 1914 г.).

варивая каждое слово отдѣльно, произнесла: Отче нашъ.—Комната въ эту минуту освѣтилась лучами заходящаго солнца. Я любилъ въ эту минуту мою мать такъ, какъ я любилъ ее, бывши ребенкомъ; всѣ воспоминанія дѣтства, ея заботы обо мнѣ, все, все живо возобновилось въ моей памяти. Я молился, чтобы Всевышній облекъ въ безсмертіе ея духъ, оставляющій хилое тѣло.

Вотъ уже два дня, какъ продолжается медленная агонія; отъ времени до времени она впадаетъ въ бредъ, но пробуждаясь узнаетъ всѣхъ, спрашиваетъ меня, долго ли ей еще осталось терпѣть предсмертныя муки, шепчетъ тихонько молитву и, сложивъ руки на груди, снова впадаетъ въ полубезчувственное состояніе. Вчера она соборовалась. Я въ первый разъ присутствовалъ при этой церемоніи. Съ твердостью, даже ни разу не охнувъ, она приняла муропомазаніе.

Нѣтъ, неземныя узы соединяютъ мать съ сыномъ и дочерью.—Кровь матери течетъ въ жилахъ дѣтей; и этого бы уже довольно было сдѣлать узы, ихъ соединяющія, неравными; но вмѣстѣ съ этимъ еще что-то несравненно тончайшее, перешедшее къ намъ вмѣстѣ съ мыслью и чувствомъ изъ-за предѣловъ другаго міра, переносится отъ матери и отъ отца черезъ мать къ дѣтямъ...

4½ пополудни.

Ее уже нѣтъ на свѣтѣ. Я только-что теперь принялъ послѣдній вздохъ ея и пишу тебѣ, чтобъ съ тобою раздѣлить грусть души. Вотъ оставило меня и еще одно существо, которое я любилъ. Для чего тебя нѣтъ со мною? Ты облегчила бы мои слезы, которыя такъ и льются о потерѣ невозвратной. Молись со мною, чтобы душа усопшей, испытанная въ земныхъ страданіяхъ, насладились миромъ вѣчной жизни! Еще въ эту ночь, когда я сидѣлъ у изголовья страдальцы, она, забывая свои муки, думала о спокойствіи сына и посылала меня, благословивъ, уснуть и отдохнуть.

Знаешь ли, что во время болѣзни моей матушки, я научился любить тебя еще болѣе, вспоминая безпрестанно о тебѣ и представляя, что и ты будешь такою же нѣжною матерью къ нашимъ дѣтямъ. Какъ будто матушка изъ любви ко мнѣ и дѣтямъ и жила только, ожидая, пока я рѣшу ихъ участь; только тогда она закрыла, благословивъ и насъ и дѣтей, глаза свои. Какъ я благодарю моего Бога, что смерть ея случилась не въ моемъ

отсутствіи. И горько; но и отрадно закрыть самому глаза умирающей матери, принять ее послѣднее благословеніе, подвести подъ него своихъ дѣтей, принять послѣдній вздохъ ея и дать ей послѣдній поцѣлуй!

II.

17 марта..Утро.

Ахъ, милая Саша, какъ я чувствую, что тебя, именно тебя, не достаетъ мнѣ теперь. Какъ бы мнѣ хотѣлось въ эту минуту поцѣловать тебя. Поцѣлуй твой имѣетъ успокаивающее дѣйствіе на меня, въ которомъ такъ теперь нуждается душа моя. Такъ радость перемѣшена съ горемъ на свѣтѣ; странная участь: въ моей первой женитьбѣ, не задолго предъ нашею свадьбою умерла мать моей жены ¹⁾, во второй моя мать. Одно еще, что меня утѣшаетъ: это то, что моя мать умерла прежде меня; я всегда для нее же молилъ Бога, чтобы ей, видѣвшей смерть тринадцати дѣтей, не пришлось видѣть и смерть того, на котораго она полагала всю свою надежду.

Я смотрю опять на твой дагеротипъ и опять твое черное платье наводитъ меня невольно на одну мысль. Мад. Глазенапъ ²⁾, которая иногда словами выражаетъ, не думая и не-

¹⁾ Екатерина Николаевна Березина, урожденная графиня Татищева— была мученицей семейной жизни и много выстрадала отъ своего мужа, проигравшаго въ карты и вообще „просадившаго“ огромное состояніе. Нѣсколько теплыхъ строкъ посвящаетъ ей Пироговъ въ послѣднихъ страницахъ своего „Дневника“.

²⁾ Эмилія Амосовна Глазенапъ, дочь морского министра А. Ф. Моллера, жена Б. А. Глазенапа, впоследствии Николаевского военнаго губернатора, — пріятельница Пирогова, который познакомился съ нею въ Ревель, куда онъ пріѣзжалъ много лѣтъ подрядъ на купанья. О ней читаемъ въ „Дневникѣ стараго врача“: „Прибывъ вмѣстѣ съ больнымъ еще братомъ (Федоръ Амосовичъ Моллеръ, художникъ, ревельскій пріятель Пирогова, лечился у Н. И.) въ Ревель, Эмилія Амосовна хотѣла полечить и себя отъ несносной истерической тоски (въ которую она впала послѣ смерти отца); мужъ капитанъ-лейтенантъ Богданъ Александровичъ Глазенапъ, былъ гдѣ-то при флотѣ за границею. Я ей посоветовалъ морскія купанья и какъ можно болѣе движенія на чистомъ воздухѣ. А между пріѣзжими я считался знатокомъ по части ревельскихъ прогулокъ и дѣйствительно, я исходилъ пѣшкомъ всѣ ближнія окрестности и зналъ всѣ хотя сколько-нибудь живописныя мѣста... Прогулки (вмѣстѣ съ Пироговымъ, Моллеромъ и Н. Ф. Здекауеромъ) приносили очевидную пользу, а между тѣмъ ревельскіе и петербургскіе сплетники и сплетницы подсмѣивались надъ нашими прогулками, называя ихъ, въ насмѣшку, „ботаническими экскурсіями доктора Пирогова и m-me Глазенапъ“. Это глупое хихиканье дошло и до двора. Въ то время проѣзжала черезъ

произвольно, впечатлѣнія, если онѣ живо и сильно на нее по-дѣйствовали, сказала мнѣ вдругъ, взглянувъ на твой портретъ: „для чего же въ черномъ платьѣ“? И только при этихъ словахъ я вспомнилъ, что ты была точно одѣта въ черномъ, такъ я мало обращалъ вниманія на твою наружность.

У меня нѣтъ предрасудковъ, по крайней мѣрѣ, нѣтъ мелочныхъ; но нѣкоторыя вещи съ малолѣтства еще дѣлаютъ на меня иногда такое неприятное, грустное впечатлѣніе, особливо если другіе обратятъ на нихъ мое вниманіе. Такъ и въ этомъ случаѣ, мнѣ вдругъ сдѣлалось какъ-то досадно, для чего моя не-вѣста была одѣта въ черное.

И знаешь ли, то же случилось съ моей съ первой женой. Будучи невестой, она однажды одѣла черное платье; мнѣ сначала понравилось, потому что платье было ей къ лицу; вдругъ одна дама изъ ея знакомыхъ, увидавъ ее, сказала: „Развѣ не-вѣста носить черное платье“? эти слова также какъ-то грустно отозвались въ моей душѣ, я замолчалъ, но впечатлѣніе какъ теперь помню.

Вотъ объясняй всѣ капризы человѣческой души. Я зналъ одного человѣка, который не принималъ ничего, не вѣрилъ ничему, былъ самый восторженный послѣдователь французскихъ энциклопедистовъ; но крестился, когда зѣвалъ, и никогда не хотѣлъ надѣвать сапогъ сначала на лѣвую ногу. Такъ все пере-мѣшано безъ послѣдовательности, безъ порядка въ омутѣ души. Тѣ впечатлѣнія, которыя дѣйствовали на насъ въ дѣтствѣ, которыя родились въ насъ отъ нашептыванія нашихъ нянекъ, нашихъ матерей и бабушекъ, неизгладимы.

Всѣ предрасудки, всѣ пошлости и глупости, которыми такъ обилень человѣческой родъ, основаны на врожденномъ его рас-положеніи къ предрасудкамъ, пошлостямъ и глупостямъ; конечная причина и сущность вещей скрыты отъ него за непро-ницаемой завѣсой, онъ можетъ только догадываться, предчув-ствовать и только не многое постигать дѣйствительно своимъ

Ревель Великая Княгиня Ольга Николаевна. Встрѣтивъ Богдана Алексан-дровича на пароходѣ, она обратилась съ усмѣшкой къ нему и спраши-вала: слышалъ ли онъ, что его жена занимается ботаническими экскур-сіями съ докторомъ Пироговымъ? Хорошо, что Б. А. зналъ отлично нравы и обычаи жены, и потому, нисколько не сконфузясь, отвѣчалъ какою-то шуткою. Семейство Глазенацъ (мужъ и жена) оставались долго нашими добрыми пріятелями“... („Дневникъ“, изд. 1910 г., стр. 580—581; исправлено по подлинной рукописи Пирогова, хранящейся въ музеѣ его имени въ Петроградѣ).

умомъ, ему кажется, что онъ окруженъ міромъ чудесъ и даже, чѣмъ больше онъ думаетъ о томъ, что его окружаетъ, чѣмъ болѣе онъ углубляется въ окружающее, тѣмъ болѣе онъ удивляется, тѣмъ болѣе онъ *не знаетъ*.

Человѣку въ грубой его, первоначальной, дикости чуднымъ, непостижимымъ и страннымъ кажется только то, что рѣдко встрѣчается, что онъ не всякой день видитъ и слышитъ и что дѣйствуетъ сильно сотрясая его чувства; для человѣка мыслящаго и вникающаго въ причину вещей чудно и непостижимо дѣлается уже и то, что онъ видитъ ежедневно, но о чемъ ему прежде никогда и въ голову не приходило подумать; зерно, которое онъ скроетъ въ землю и которое пуститъ отростокъ, превращается въ листъ и цвѣтокъ; ребенокъ, который у него родится и вырастаетъ предъ его глазами...

Все, все чудо, потому что, въ сущности, причина всего этого для него не объяснима также, какъ необъяснимо все твореніе, вся вселенная. Удивительно ли послѣ этого, что онъ исполненъ предразсудковъ и непослѣдовательностей, что онъ вѣритъ въ пошлости, что онъ просто глупъ? Въ логикѣ, которой ты, слава Богу, не училась, которую и я только знаю по слухамъ, принимаются три софизма, отъ которыхъ она предостерегаетъ, запрещая имъ слѣдовать. Это:

- 1) *ante hoc, ergo propter hoc* (avant cela, ainsi pour cela).
- 2) *post hoc, ergo propter hoc* (après cela, ainsi pour cela).
- 3) *cum hoc, ergo propter hoc* (avec cela, ainsi pour cela).

17 марта. Вечеръ.

Несмотря, однако же, на всѣ предостереженія логикѣ, человѣческой родъ безпрестанно слѣдуетъ въ своихъ сужденіяхъ этимъ тремъ софизмамъ; если онъ видитъ на примѣрѣ, что одно происшествіе слѣдуетъ непосредственно за другимъ, онъ сейчасъ, не разбираясь, предписываетъ причину второго происшествія первому. Такъ простой народъ и многіе даже изъ образованныхъ предписываютъ такъ называемымъ примѣтамъ причину происшествій, которымъ они предшествовали. Многіе, будучи вполне увѣрены, что три зажженные свѣчки на столѣ означаютъ смерть кого-нибудь изъ присутствующихъ, тщательно избѣгаютъ ставить три зажженныхъ свѣчки на столѣ и т. п.

Мы всѣ живемъ въ одномъ только будущемъ. Прошедшее и настоящее для насъ имѣетъ только цѣну, что оно намъ служитъ средствомъ жить въ будущемъ; поэтому есте-

ственно, что мы стремимся такъ устроить наше настоящее и прошедшее, чтобы оно могло служить намъ для нашего будущаго; поэтому, естественно, что въ настоящемъ и прошедшемъ мы ищемъ знаковъ, которые бы намъ могли служить (средствомъ?) проникнуть въ неизвѣстное, но для насъ необходимое, будущее. Томимые этою безпокойною неизвѣстностью, блуждающіе съ завязанными глазами, мы ощупью ходимъ въ потемкахъ и, занятые нашею главною цѣлью, вездѣ отыскиваемъ и вездѣ стараемся видѣть признаки, которые бы могли намъ служить руководствомъ, вездѣ хотимъ найти связь между тѣмъ, что есть и было, и тѣмъ, что будетъ.

Въ этомъ стремленіи, какъ всегда и вездѣ, вслѣдствіе нашего несовершенства, мы вдаемся въ двѣ крайности; мы дѣлаемся или черезъ-чуръ легковѣрными, или черезъ-чуръ мало-вѣрными. Пугливые, робкіе по природѣ, съ умомъ, ограниченнымъ и необразованнымъ, съ воображеніемъ дѣтскимъ, нѣкоторые изъ насъ не только видятъ во всемъ ихъ окружающемъ примѣты, указующія будущее, но даже, вдаваясь безпрестанно въ три запрещенные здравымъ смысломъ софизма, находятъ причинную связь между этими примѣтами и тѣмъ, что должно случиться; они увѣрены, что, устраняя эти примѣты, этимъ предостерегутъ себя и отъ слѣдствій, которыя они предвѣщали.

Другіе, одаренные умомъ положительнымъ, воображеніемъ менѣе пылкимъ, болѣе просвѣщенные образованіемъ и опытомъ, отвергаютъ вездѣ и во всемъ связь между признаками въ настоящемъ и будущемъ, какъ скоро не въ состояніи бываютъ постигнуть здравымъ умомъ этой связи. Первые боятся и сомнѣваются; вторые смѣются надъ первыми и гордятся своею самоувѣренностью. Трудно найти *juste milieu*. Видѣть во всемъ связь между случившимся и тѣмъ, что должно случиться, безумно и точно смѣшно; но отвергать вездѣ эту связь, если мы ее только не можемъ доказать логически, — дерзко и самонадѣянно.

И у животнаго, и у человѣка есть предчувствія, это неоспоримый фактъ; человѣкъ, *безсознательно* тревожимый тѣмъ или другимъ предчувствіемъ, даже, если оно и не выражено до такой степени, чтобы онъ могъ ясно замѣтить его существованіе въ себѣ, нерѣдко вдругъ поражается самымъ незначительнымъ событіемъ въ окружающемъ его мірѣ. Это событіе вдругъ пробуждаетъ въ немъ предчувствіе, дѣлая его сознательнымъ. Звуки и слова, цвѣты и фигуры искони принадлежали къ

предметамъ, пробуждающимъ скрывающіяся въ насъ предчувствія. Вотъ почему иногда одно слово, сказанное другимъ невзначай, безъ всякаго умысла, случайно въ разговорѣ, вдругъ заставляеть насъ призадуматься, пробуждая въ насъ какое-то предчувствіе. Особливо въ извѣстное время жизни, въ извѣстномъ расположеніи духа, мы бываемъ расположены и къ предчувствіямъ, и именно когда мы готовимся къ чему-нибудь.

18 марта. Утро.

Въ опасности жизни, въ болѣзняхъ это состояніе духа иногда доходитъ до настоящаго предвидѣнія. Я никогда не оперирую труднаго больнаго изъ простыхъ людей, когда онъ не скоро соглашается на операцію, говоря, что онъ умретъ; я почти всегда видѣлъ, что предвѣщанія ихъ сбывались.

Нѣтъ сомнѣнія, разсматривая все, что я сказалъ, въ смыслѣ христіанскаго ученія, мы найдемъ, что многое въ примѣрахъ и т. п. противно этому ученію, повелѣвающему намъ твердо вѣрить и уповать, не заботясь слишкомъ о будущемъ. „Да будетъ Воля Твоя“—вотъ основа христіанскаго взгляда на будущее. Всѣ мірскія заботы, вся горечь жизни, все неизвѣстное, что такъ страшитъ насъ въ будущемъ, все исчезаетъ въ утѣшительномъ: „Да будетъ Воля Твоя“. Но, чтобы чувствовать все утѣшительное, заключающееся въ этой мысли, нужно, чтобы она была не на устахъ, а въ сердцѣ;—а этого не легко достигнуть; это верхъ вѣры и упованія.

Вотъ и второе твое письмо (отъ 13 марта изъ Москвы) я получилъ. Не показываетъ ли оно, что тяжка и временная разлука съ тѣмъ, что любишь, что преодолѣть тягость и этой разлуки нужна уже борьба; такъ трудно достается намъ утѣшеніе въ „Да будетъ Воля Твоя“,—а разлука навсегда? а потеря того, къ чему былъ привязанъ на землѣ узами крови, чувства, привычки?—о, это перенести мужественно, не бывши эгоистомъ, безъ помощи демона души, и произнеся твердымъ голосомъ: „Да будетъ Воля Твоя“—для этого нужно, чтобы сначала Эта Воля Высшая осѣнила насъ своею вдохновенною силою.

Если бы еще мы понимали ученіе евангелическое такъ, что нужно отдаться совершенно на произволъ, произнося: „Да будетъ Воля Твоя“—но нѣтъ, мы должны бороться, мы должны подвергать себя вліянію тысячи и тысячи обстоятельствъ съ намѣреніемъ, съ извѣстною цѣлью, стремиться осуществлять

ту или другую мысль и, неуверенные въ успѣхѣ, произносятъ: „Да будетъ Воля Твоя“.

Человѣкъ такъ скоро начиналъ жить въ обществѣ, какъ скоро запутывался въ извилистомъ лабиринтѣ общественной жизни и прибавилъ къ трудностямъ борьбы съ элементами еще борьбу со всѣми непредвидѣнными слѣдствіями сооруженнаго имъ самимъ общества; короче: какъ скоро человѣкъ начиналъ глубже чувствовать свою слабость и тревожнымъ взглядомъ смотрѣть въ будущее, такъ въ немъ обнаружилась и потребность искать связей между собою и Верховнымъ началомъ, существованіе котораго открыли ему его чувства и умъ. Это исканіе было первымъ его сознаниемъ своей слабости. Воображеніе въ мірѣ языческомъ, у грековъ и римлянъ, изобрѣтало боговъ и богинь, безпрестанно вступающихъ въ человѣческія дѣла, раздѣляющихъ и труды, и наслажденія человѣка. У славянъ оно породило дуализмъ божества: два начала: доброе и злое, борющіяся между собою и своимъ вліяніемъ опредѣляющія судьбу человѣка.

Вѣтхой завѣтъ принималъ также, что человѣкъ созданъ по образу и подобию Божію, Богъ говорилъ съ избраннымъ народомъ его языкомъ, писалъ ему самъ скрижали завѣта. Въ мірѣ христіанскомъ божество, принявъ образъ человѣка, сообщило ему чрезъ Откровеніе связь, существующую между нимъ и Собою. Короче, человѣкъ всегда и вездѣ чувствовалъ, что для него необходима эта связь, онъ искалъ всегда въ этой связи опоры для своихъ слабостей, утѣшенія для своихъ скорбей, награды для своихъ добродѣтелей.

И такъ, человечеству необходима связь съ Божествомъ; ему необходима Вѣра въ эту связь; безъ нее оно жалко, безутѣшно, оно безъ нее несчастнѣе другихъ животныхъ, потому что оно мыслить, потому что оно сильнѣе чувствуетъ ошибку. И можетъ ли быть, чтобы Богъ, надѣливъ человѣка способностью возвышаться порывомъ воображенія и мысли до Него, углубляться въ самого себя, видѣть и живо чувствовать свою беспомощность, свою ничтожность, оставилъ бы на произволъ, предоставляя во всемъ заботиться самому о себѣ? Если, съ одной стороны, уму, знакомому хотя нѣсколько съ порядкомъ Вселенной, трудно представить величіе Творца, унижающееся до человѣческихъ заботъ, то, съ другой стороны, также трудно представить Властелина и Творца Вселенной жестокимъ и немилосердымъ.

Но мы всегда будемъ теряться въ нашихъ предположеніяхъ и несообразностяхъ, покуда мы будемъ, не отъучимся, примѣнять нашу человѣческую натуру къ Творцу. О мудрости, о милосердіи, о правосудіи мы не имѣемъ и не можемъ имѣть другаго представленія, какъ нашего, слабаго, не совершеннаго, человѣческаго. Его мудрость, Его милосердіе, Его правосудіе— другіе; между Нимъ и нами есть для насъ непостижимая связь, Его Воля осѣняетъ насъ, Его благодать проявляется иногда между нашимъ ничтожествомъ и утѣшаетъ насъ, наставляя вѣрить въ неразрывную связь между нами и Его Божественною Волею. Этой Вѣрою мы должны укрѣплять себя, нѣтъ другаго спасенія. Но и вѣру Онъ же посылаетъ чрезъ вдохновеніе.

О святое вдохновеніе! Озаряй меня чаще, чаще твоимъ благодатнымъ утѣшительнымъ миромъ; поселяй чаще спокойствіе въ душѣ, изгоняй страхъ и сомнѣніе, утѣшай упованіемъ, облегчай любовью. Вспомни, милая подруга жизни, вспомни, что твое призваніе есть также утѣшать твоего друга, утѣшай же его, оживляя вдохновеніемъ его душу. Онъ предложилъ тебѣ руку въ минуты вдохновенія, онъ искалъ въ тебѣ сочувствія, чтобъ отдохнуть на твоей груди, въ которой онъ мнилъ найти источникъ вдохновенія, — не обмани его надеждъ; пусть сдѣлаетъ тебя Твоя Вѣра и твоя любовь поэтомъ...

19 марта. Утро. Воскресенье.

Сегодня погребеніе тѣла моей матери. Я сожалѣю о томъ, кто не присутствовалъ при смерти своей матери, кто былъ еще ребенкомъ и не понималъ, и кто умеръ прежде своей матери. Я много разъ видѣлъ на свѣтѣ, какъ люди умирали, видѣлъ смерть женщины, которую любилъ; но ничего не видалъ выше, ничего не чувствовалъ глубже, какъ смерть матери. Я тебѣ писалъ въ одномъ письмѣ, что я себѣ дѣлаю упреки, почему болѣзнь ея не возбуждаетъ во мнѣ такъ сильнаго участія, какъ я желалъ бы этого ¹⁾. Но, какъ скоро болѣзнь ея усилилась,

¹⁾ Въ письмѣ отъ 11 марта читаемъ: „Мнѣ досадно, для чего я не такъ грущу, не столько принимаю участія въ болѣзни моей дряхлой матери, которую я когда-то такъ нѣжно, такъ горячо любилъ. Для чего, я думаю, лѣта ослабляютъ такъ эту самую святую; самую безпристрастную, самую чистую любовь сына къ матери? Если бы это была моя жена, я бы, вѣрно, не спалъ ночи и проводилъ бы ихъ у ея постели, наблюдая за каждымъ вздохомъ больной. Вотъ и насъ на старости ждетъ такая же участь“... Подробнѣе см. „Русск. Школа“, 1914, ноябрь, стр. 7—8 и дальше.

какъ скоро я увидалъ, что уже нѣтъ надежды ей выздоровѣть; то я такъ началъ любить ее, какъ любилъ еще бывши ребенкомъ.

Кто же, кромѣ матери, умирая, въ мукахъ агоніи, забудеть о своихъ страданіяхъ и, молясь, будетъ думать только о щастиіи своихъ дѣтей? Оставаясь почти до послѣдней минуты въ полномъ сознаніи, она завѣщала сестрѣ, когда ты пріѣдешь въ мой домъ, благословить тебя вмѣсто ее и принять тебя съ хлѣбомъ и солью, нѣсколько разъ повторяя, зачѣмъ нѣтъ теперь здѣсь Александры Антоновны, какъ бы мнѣ хотѣлось благословить ее.

Потомъ она мнѣ сказала: „вѣдь, ты меня самъ похоронишь, любезный другъ, не правда ли“? Опредѣлила какого священника позвать, въ чемъ ее положить въ гробъ. Въ предсмертныхъ мукахъ, она шептала: „Господи, прости мои прегрѣшенія“, возводя глаза на небо, и еще за нѣсколько минутъ до послѣдняго вздоха, хотѣла перекреститься, устремивъ взоръ на икону Божьей Матери, которая стояла предъ нею; она приподняла руку ко лбу, но не имѣла уже силъ окончить крестное знаменіе и я долженъ былъ ей помочь это сдѣлать, взявъ ее руку въ мою.

Когда послѣдніе вздохи начали вылетать изъ стѣсненной груди и голосъ замеръ, мы съ сестрой ¹⁾ стали на колѣни, держали ее охолодѣвшія руки и я закрылъ ей глаза, принявъ прощальнымъ поцѣлуемъ послѣдній вздохъ ея. Миръ праху твоему, испытанная горемъ, мать!

Люби твою мать, Александрина, несмотря ни на что, ни на различіе взглядовъ, ни на разность воспитанія, люби ее и тогда, если бы она тебя не любила, любя и уважая мать, ты будешь сама достойною матерью, сама будешь выравъ требовать любви и уваженія отъ твоихъ дѣтей.

Мнѣ всегда было какъ-то грустно, когда покойная мать хмурилась или была нерасположена, это чувство осталось у меня съ дѣтскихъ лѣтъ. Надобно все, все сдѣлать, что въ нашихъ силахъ, чтобы не потерять любви и уваженія къ родителямъ... Дай Богъ, чтобы наши дѣти имѣли къ намъ такія же чувства, какія я питалъ къ моей матери...

¹⁾ Старшая сестра Пирогова, Анна Ивановна, не вышедшая замужъ, еще долго жила у него. Въ послѣдніе годы жизни у нея развилось тихое помѣшательство. Умерла она въ преклонныхъ годахъ въ домѣ своего знаменитаго брата.

Къ чему эти церемоніи, совершающіяся надъ трупомъ, назначеннымъ для гніенія?

Я считаю это остаткомъ язычества, перешедшимъ вмѣстѣ съ другими обрядами въ христіанство. Это почитаніе полуразрушенной храмины, въ которой виталъ нашъ духъ, сообразно ли съ ученіемъ христіанскимъ, пренебрегающимъ матеріей даже оживленной духомъ.—Бальзамированіе, погребеніе, сохраненіе въ урнахъ,—отвращеніе и страхъ въ народѣ отъ вскрытія тѣла,—все это остатки языческаго міра, который ничего не зналъ выше матеріи. Евангеліе говоритъ о воскресеніи тѣла, но какого тѣла?—проникнутаго духомъ божества.

Я тебѣ писалъ уже однажды и теперь повторяю: нельзя всѣмъ имѣть одну и ту же религію. Тотъ, кто знаетъ только о существованіи земли, кто и о землѣ-то имѣетъ самыя скудныя и самыя сбивчивыя понятія, кто никогда не разсуждалъ, что такое матерія; тотъ, разумѣется, можетъ имѣть самую простую, дѣтскую вѣру и ему не трудно во все вѣрить, потому что у него нѣтъ въ головѣ достаточнаго матеріала, который, обогащая умъ различными, реальными свѣдѣніями, вмѣстѣ приноситъ съ собой и сомнѣнія; тому не трудно повѣрить, что Богъ только и заботится что о землѣ, для нее останавливаетъ солнце, ее животворитъ Своею благодатію; но кто знаетъ, что земля играетъ самую незначительную роль въ громадѣ Вселенной, между другими безчисленными мірами; тому нельзя такъ думать о Богѣ; для того Величіе Творца дѣлается болѣе недостижимымъ и у того-то, именно, нарождается сомнѣніе, можетъ ли существовать между человѣкомъ, обитателемъ ничтожной планеты, и Творцомъ Вселенной та неразрывная связь, въ которую вѣрить такъ утѣшительно для человѣка.

Что же? Неужели для этого утѣшенія, для непоколебимости вѣры, нужно не учиться, нужно не дѣлать никакого употребленія изъ ума—дара Творца и быть бессмысленнымъ зрителемъ Его Величія въ кругу Вселенной. Нѣтъ, нужно и знать, и учиться, и вѣрить;—это не легко. Ты видишь, какъ несправедлива нетерпимость поповъ и піетистовъ, которые возстаютъ противъ сомнѣній, не постигая ихъ источника, которые думаютъ, что осужденіемъ и угрозою они могутъ искупать сомнѣніе; они его только вооружаютъ и разжигаютъ. Лишь бы главныя основы религіи не были потрясены сомнѣніемъ, а все прочее—различіе взглядовъ на эти основы, различіе объясненій оставь каждому для себя и не требуй, чтобы посвятившій всю жизнь свою на изученіе законовъ матеріи и Вселенной могъ имѣть одни и тѣ

же религіозные взгляды съ человѣкомъ, который ограничился однимъ поверхностнымъ обзоромъ того, что у него лежитъ подъ носомъ, да и то съ одною практическою цѣлью—доставить себѣ изъ этого обзора насущный хлѣбъ.

Tolerance et indulgence!—Осуждая и преслѣдуя другихъ за ихъ образъ воззрѣнія на предметы, различный отъ нашего,—думая, что только при нашемъ образѣ воззрѣнія можно спастись,—не превращаемся ли мы въ тѣхъ же книжниковъ и фарисеевъ, которые гнали и распяли Искупителя, потому что Онъ благовѣтствовалъ другое и отличное отъ того, что стояло въ ихнихъ вѣтхихъ книгахъ и что такъ крѣпко привилось ихъ ограниченному одностороннему уму?

По моему крайнему разумѣнію и въ этомъ состоитъ величіе Откровенія, что оно, открывая намъ идеаль, къ которому мы всѣ должны стремиться, наставляя насъ въ простыхъ, практическихъ, но высокихъ истинахъ, предоставляет *врожденнымъ предчувствіямъ и уму* cadaго изъ насъ объяснять сокровенную для насъ сущность Идеала и истинъ по собственнымъ своимъ убѣжденіямъ. Одинъ думаетъ, что онъ воскреснетъ какъ онъ есть, въ своемъ тѣлѣ, чтобы жариться въ печкѣ или гулять въ саду. Другой, постигая другимъ образомъ матерію, вѣритъ и въ другое безсмертіе. Разрушать убѣжденія перваго, не образовавъ его ума достаточными свѣдѣніями, жестоко и несправедливо; но несправедливо и упрекать въ невѣріи другаго; сначала нужно поставить себя на мѣсто cadaго изъ нихъ и тогда судить ихъ, если кто хочетъ взять на себя обязанность суди.

Вы, женщины, въ этомъ отношеніи щастливѣе, можетъ быть, насъ; вы рѣдко употребляете вашъ умъ на удовлетвореніе любознанія, само любознаніе не тревожитъ васъ, то, что дѣлается внѣ вашего семейнаго круга, васъ мало интересуеъ. Чувствуете ли вы, что бьется сердце, вамъ не приходитъ въ голову узнать, какъ оно бьется, „лишь бы билось для любви“ думаете вы, а прочее вамъ знать не нужно. Видите ли красивый цвѣтокъ, слышите ли звучное пѣніе птицы,—вы наслаждаетесь цвѣткомъ и пѣніемъ и не хотите знать, какое звено составляютъ цвѣты и птица, которыя вамъ приносятъ наслажденіе, въ неозримой цѣпи творенія. Освѣщена ли весенняя ночь луннымъ свѣтомъ—вы знаете только, что при немъ мечтается такъ сладко, такъ отрадно,—а отъ чего это луна свѣтитъ не такъ, какъ солнце,—вамъ до этого также дѣла нѣтъ.

Понятно, что при такомъ воззрѣніи на предметы, при этомъ врожденномъ недостаткѣ любознанія, при этой ограниченности

цѣли бытія вамъ не трудно и вѣрить, и уповать, и любить.— Вы съ отвращеніемъ и ужасомъ смотрите, какъ на святотатство, *на сомнѣніе*, слѣдующее за любознаніемъ; вы находка для всѣхъ возможныхъ поповъ; имъ не трудно привлечь васъ на сторону, если они только съумѣютъ подѣйствовать на ваше чувство и воображеніе. Вникать и анализировать—не ваше дѣло. Однажды захвативъ въ руки вашу довѣренность, всякой шарлатанъ можетъ изъ васъ сдѣлать все, что хочешь, убѣдить васъ въ чемъ ему угодно.

Евгенію Федоровну Нильсенъ ¹⁾ убѣдилъ, что книгу „die Stunden der Andacht“ не должно читать ²⁾, потому что она не слѣдуетъ его религіознымъ убѣжденіямъ и она ее не читаетъ. „Почему же вы ее не хотите читать“? Отвѣтъ: „Потому, что она заключаетъ въ себѣ только одну мораль“. Вотъ логика. Въ письмѣ, которое я къ тебѣ буду писать завтра, въ день твоего рожденія, я переведу изъ этой книги нѣсколько мѣстъ о супружествѣ,—суди сама, достойна ли эта мораль такого осуж-

¹⁾ Генеральша Е. О. Козенъ, родственница А. А. Бистромъ. Нильсенъ—проповѣдникъ, выступавшій въ Петербургѣ въ началѣ 40-хъ годовъ. А. А. Бистромъ настояла, по убѣжденію Е. О. Козенъ, чтобы Н. И. Пироговъ пошелъ послушать этого проповѣдника, и вотъ что мы читаемъ по этому поводу въ письмѣ великаго хирурга къ невѣстѣ (отъ 12 марта). „Сегодня я исполнилъ твое желаніе и слушалъ проповѣдь Нильсена, которая продолжалась около 2 часовъ... Крикливая, пронзительнымъ голосомъ произнесенная и нерѣдко прерывистая, рѣчь проповѣдника не оживляла и не успокаивала душу. Ни въ этой рѣчи, ни въ мимикѣ не было того величаваго спокойствія, которое я привыкъ воображать въ апостольской проповѣди“... Подробности въ упомянутомъ письмѣ въ „Р. Шк.“, 1914 г. ноябрь.

²⁾ Н. Zschokke. Stunden der Andacht zur Beförderung wahren Christenthums und häuslichen Goffesbeteuerung. 10 Bände,—книга, выдержавшая множество изданій и особенно распространенная въ 40—50 годахъ прошлаго столѣтія. Посылая невѣстѣ эту книгу, Пироговъ особенно рекомендовалъ ей внимательно читать ее и писалъ (12 апрѣля): „Посылаю тебѣ, милая моя, несравненная Саша, для дня твоего Ангела Stunden der Andacht—полное;—читай, ты вѣрно найдешь наслажденіе; я бы ничего лучшаго не желалъ, какъ того, чтобы и дѣти наши жили и были воспитаны по правиламъ, содержащимся въ этой книгѣ, и я, ей Богу, не понимаю, какъ наша добрая Женни (Е. О. Козенъ) могла до такой степени быть ослѣплена парадоксами піэтизма Нильсена, чтобы сказать безсмыслицу: „я не хочу читать эту книгу, потому что она содержитъ только одну мораль“. Это въ моихъ глазахъ просто преступленіе. „А въ письмѣ отъ 22 апрѣля, приведя обширную выдержку изъ этой книги по вопросу о добродѣтели, нѣсколько разъ отмѣчаетъ въ скобкахъ: „самая вѣрная картина моя“, „это былъ и по временамъ еще есть я“ и т. п.

денія, чтобы ее не читать. О родъ людской! Какъ не запоешь послѣ этого канату Третьяковскаго:

Когда бы мнѣ сто устъ и столько жь языковъ,
 столь сильный гласъ былъ данъ, желѣзо сколько сильно,
 я и тогда бь всѣхъ глупостей родовъ,
 не могъ исчислять вамъ обильно.

Не говори и не пиши никогда, моя Саша, ничего, не подумавъ прежде, а если ты увѣрена, что и подумавъ не можешь о чемъ-нибудь сказать чего-нибудь дѣльнаго, то лучше смолчи.

2 часа пополудни. Воскресеніе. 19 марта.

Сегодня я схоронилъ мою мать; -- завтра день твоего рожденія. Не значить ли это, что ты опредѣлена мнѣ замѣнить мою мать? Да, жена можетъ быть матерью мужа. Есть чувства въ моемъ сердцѣ, которыя нужно согрѣть, беречь и холить, за которыми нужно ухаживать, какъ за груднымъ младенцемъ, ихъ лелѣять, кормить грудью. Кто же можетъ лучше это сдѣлать, какъ не жена? На ней лежитъ святая обязанность отыскать эти чувства, родить ихъ на свѣтъ, призрѣть и воспитать, какъ родила меня самого на свѣтъ мать, вскормила и воспитала.

Замѣни же мнѣ то, чѣмъ была мнѣ мать моя, когда я былъ ребенкомъ. Видѣть въ мужѣ отца, видѣть въ женѣ мать для нашего нравственнаго быта,—это идеаль въ супружеской жизни. Но сколько нужно для этого нравственной силы, сколько чувства, сколько ума, и—сколько Высшей благодати! Боже мой! если я подумаю, что, можетъ быть, все, что я пишу къ тебѣ,—несбыточные вещи, взгляды, чувства, не факты. Кто болѣе меня былъ обмануть мечтою, я мечталъ полжизни—кто лучше меня знаетъ, что существенность и идеализмъ не клеются вмѣстѣ на землѣ? Ты любишь въ первой разъ, тебѣ такъ легко увлечься, тебѣ кажется все возможнымъ съ твоею любовью,—а я знаю, какова существенность, я знаю, что управляетъ человекомъ какъ бы не возносился въ часы вдохновенія.—Но „да будетъ Воля Твоя“.

Мой Коля сегодня что-то поблѣднѣлъ и похудѣлъ. Когда я ему сказалъ, что бабушка заснула вѣчнымъ сномъ, онъ отвѣтилъ „мы всѣ, вѣдь, заснемъ вѣчнымъ сномъ. И старички, и дѣтки также засыпаютъ“. О, храни Господь тебя, мое дитя... Но, „да будетъ Воля Твоя“. Повторяй, повторяй мнѣ чаще, милая Саша, это святое слово. Но вотъ 12 часовъ полуночи; наступаетъ день твоего рожденія, буду говорить о тебѣ.

1-й часъ пополуночи. 20 марта.

Первый часъ дня рожденія моей невѣсты, моей Саши.

Твой портретъ стоитъ предо мною. Я смотрю на тебя и хочу прочесть въ твоихъ глазахъ то, что я читалъ въ нихъ, когда мы сиживали вмѣстѣ.

Не забудь, что это третье письмо, которое я тебѣ посылаю. Два я послалъ: одно отъ 11 марта, другое отъ 14 марта, на имя твоей сестры въ Москву. Записанъ каждый день; мнѣ не хотѣлось бы, чтобы они были затеряны. Потребуй ихъ непременно изъ Москвы, если ты ихъ еще не получила въ Москвѣ. Мои два Дагерротипа отосланы въ Калугу 13 марта.—Въ послѣднемъ письмѣ, которое, я думалъ, ты получишь въ день твоего рожденія, я уже поздравилъ тебя.

Тебя поздравляютъ и дѣти и сестра. Сегодня 10 часовъ вечера, Козень, Витгенштейнъ, Глазенапъ (Б. А. и Э. А.) и д-ръ Дзекауеръ¹⁾ будутъ у меня пить за твое здоровье предъ твоимъ портретомъ.—Вчера вечеромъ у меня были Евг. Фед. Козень и Витгенштейнъ. Я люблю открывать слабости въ тѣхъ, кого люблю, и потому все, что я тебѣ писалъ о твоей кузинѣ, тебѣ должно служить доказательствомъ, что я ее люблю. Это много, потому что я люблю не многихъ. Можетъ быть, ты скажешь; „а развѣ не велѣно любить ближнихъ, какъ самого себя“? но, къ сожалѣнiю, я не люблю самого себя и потому мнѣ немногаго стоитъ любить другихъ больше себя. Несравненно труднѣе заботиться о другихъ, какъ о самомъ себѣ; и, не любя себя, я о себѣ забочусь и забочусь болѣе, чѣмъ сколько нужно, потому что еще не умѣю всегда одушевлять себя благодатнымъ призванiемъ: „да будетъ Воля Твоя“.

Бракъ соединяетъ двѣ части въ одну. На землѣ нѣтъ узвъ, которые бы соединяли тѣснѣе два существа.

„Отецъ Милосердый! Ты видишь мое сердце, на колѣняхъ, въ этотъ часъ, молю Тебя,—Тебѣ, Сердцевѣдцу, открыто, чисто-сердечна ли моя молитва,—имѣю ли я другое помышленiе, какъ о той, о которой молюсь Тебѣ. Дай мнѣ крѣпости и силы сдѣлать ее щастiе на землѣ,—но такое, которое не переставало бы быть для нее щастiемъ и въ жизни вѣчной. Ты видишь, не о себѣ я теперь думаю, не о себѣ забочусь. Если мнѣ не суждено служить ей орудiемъ этого щастiя,—то разрушь теперь же

¹⁾ Витгенштейнъ — одинъ изъ сыновей фельдмаршала, дерптскiй прiятель Пирогова; Глазенапы о нихъ см. выше; Дзекауеръ — извѣстный профессоръ, другъ и ученикъ Пирогова, Николай Федоровичъ Здекауеръ.

нашъ союзъ, пока онъ не заключенъ навѣки;—какъ тяжело бы мнѣ не было это пожертвованіе, я съ готовностію,—Ты видишь это, Ты читаешь это въ моемъ сердцѣ,—принесу любовь; нужно ли для этого принести на жертву земную жизнь мою? возьми ее;—но сдѣлай щастливою ту, за которую молюсь Тебѣ.—Если я увлекался и былъ въ заблужденіи, думая, что то былъ Твой благой Промыселъ, который сблизилъ насъ, который руководилъ меня въ избраніи; то уничтожь заблужденіе, Податель благъ,—я раскаюсь, на колѣняхъ буду умолять ее, чтобы она забыла меня—и была бы щастлива; она, одна она, теперь предметъ моей молитвы; ей покуда еще не необходимо мое щастіе; но для меня ее—уже сдѣлалось цѣлью, моимъ долгомъ, моею жизнью. Она уже чувствуетъ, что могла бы составить мое,—я не увѣренъ, могу ли составить ее, и, въ этомъ сомнѣніи, прибѣгаю къ Тебѣ, Милосердый и Правосудный,—рѣши, накажи меня, если это нужно по Твоему Промыслу, уничтожь,—но спаси ее и дай мнѣ только одно благо—и погибая, быть увѣрену, что это нужно для ея щастія“.

Вотъ моя молитва, которую я произносилъ въ душѣ, стоя на колѣняхъ, закрывъ лице руками, въ первомъ часу 20 марта. Ты не поймешь, по твоей неопытности, можетъ быть, какъ эта молитва для меня нужна была. Ты еще не можешь чувствовать, какая на мнѣ предъ моею совѣстью, предъ Богомъ, лежитъ отвѣтственность, что я предложилъ тебѣ союзъ, что я завлекъ тебя. Въ минуты предложенія я болѣе заботился о себѣ и о дѣтяхъ ¹⁾, и, озабоченный, не вникъ довольно, могу ли я составить твое щастіе, и уже потомъ мнѣ начало открываться, что многого, многого не достаетъ для этого; но ты твоимъ присутствіемъ меня увлекала и я забывалъ вникать глубже въ этотъ вопросъ.

А теперь, я сужу себя безпристрастно и строго и видя, что сомнѣваюсь, обратился съ молитвою къ Творцу и молился,—Богъ видитъ,—только объ одной тебѣ. Ты молись также, чтобы Воля Высшая наставила меня, какъ поступить, когда я такъ колеблюсь.

¹⁾ О надеждахъ, которыя онъ возлагалъ на А. А. Бистромъ въ качествѣ мачехи его двухъ сыновей, Пироговъ говоритъ въ письмѣ отъ 12 апрѣля. Тамъ же говорится о задачахъ матери-воспитательницы. Сомнѣнія, охватившія Пирогова въ связи съ его второй женитьбой, въ смыслѣ отношенія мачехи къ дѣтямъ отъ первой жены, а также взглядъ его на обязанности мачехи,—нашли отраженіе въ его трехъ стихотвореніяхъ, помѣщенныхъ во II томѣ собранія сочиненій, изд. 1910 г.

И такъ, „да будетъ Воля Твоя“. Мнѣ ничего теперь болѣе не остается послѣ этой молитвы. Посылаю тебѣ книгу, которую наша добрая кузина не хочетъ читать ¹⁾. Прочти главы, замѣченныя мною бумажками, и, я увѣренъ, ты ихъ прочтешь не безъ пользы. Послѣ напишешь мнѣ о результатѣ.

Пиши мнѣ письма въ такомъ же родѣ. Записывай каждый день, какъ мы уговорились, пусть я буду рѣже получать, но заразъ нѣсколько дней, и любя, и чувствуя, старайся собирать твои мысли,—что жизнь безъ мысли? Съ нынѣшняго дня ты уже должна приготовляться, безъ меня собравшись съ мыслями, ты можешь безпристрастиѣе разсмотрѣть и обдумать все, что я тебѣ написалъ обо мнѣ самомъ и о тебѣ. Учись, учись, учись и молись.

2 часа ночи.

Сейчасъ только отправились Глазенапы и Дздекауеръ отъ меня Евг. Фед. и Витг. уѣхали уже прежде. Два твои портреты были поставлены на столѣ въ моемъ кабинетѣ между 2 свѣчами, твоя гипсовая ручка стояла возлѣ. Мы пили за твое здоровье предъ твоимъ портретомъ, а дѣти спали, раскинувшись въ своихъ постелькахъ, глубокимъ уже сномъ. Сохрани тебя Провидѣніе на долгіе лѣта. Дай Богъ тебѣ не знать моихъ горестей и быть счастливиѣе меня,—если не наружно, то внутренно,—вотъ мое желаніе. Прости меня,—но въ эту минуту мнѣ хотѣлось бы, какъ то, лучше не знать тебя,—я опять начинаю себѣ дѣлать упреки, что я виноватъ, что я завлекъ тебя, пробудилъ въ тебѣ любовь, которой не стою, которую врядъ ли могу осуществить такъ, какъ бы мнѣ хотѣлось ее осуществить... Но... Тсъ... „Да будетъ Воля Твоя“.

21 марта. Утро.

Старшая моя сестра и безъ того уже растроена духомъ, послѣ смерти матери погрузилась въ страшную апатію, и я сегодня не могъ безъ слезъ смотрѣть на несчастную; для нее смерть была бы благодѣяніемъ. Грустно. Поклонись всѣмъ твоимъ. Однажды навсегда, если я иногда и не напишу этого на бумагѣ, но ты можешь ихъ увѣрить, что близкіе моей Александрины останутся всегда близкими и моему сердцу ²⁾.

¹⁾ Stunden der Andacht; объ этомъ см. выше.

²⁾ Н. И. Пироговъ почти никогда не подписывалъ своихъ писемъ къ невѣстѣ и женѣ. См. также „Севастопольскія письма“, изд. 1907 г., подъ ред. д-ра Ю. Г. Малиса.

III.

Александринѣ, писанное въ день ея рожденія ¹⁾.

22 марта. Утро.

Вотъ уже посылаю четвертое письмо.

Одно отъ 11-го марта въ 4 листа

Другое отъ 15-го марта 5 листовъ.

Третье отъ 21-го марта въ 5 листовъ

Теперь четвертое съ посылкою.

Сверхъ того послалъ 2 дагеротипа.

А отъ тебя: письмо изъ Зайцева,

письмо изъ Москвы,

но не лучше того, которое получалъ изъ Зайцева, т.-е. того же содержанія и того же объема. Слѣдовательно, одно. Я послалъ 2 письма, застраховавъ: одно въ Москву, на имя твоей сестры, потому что я не имѣю ни малѣйшей довѣренности къ московскимъ почталіонамъ; а другое въ Калугу, потому что и этотъ градъ, несмотря на его всемірную знаменитость въ изготовленіи тѣста, не вселяетъ во мнѣ еще никакого довѣрія къ почтамтскимъ его чиновникамъ.

Изъ малой твоей склонности къ сочиненію писемъ, и изъ содержанія двухъ твоихъ писемъ я нѣкоторымъ образомъ вправѣ заключить, что ты принадлежишь къ одному изъ 2-хъ классовъ говорящихъ и мыслящихъ существъ, только не берусь рѣшить еще, къ которому изъ двухъ. Надобно тебѣ знать, что я раздѣляю, въ этомъ отношеніи, людей на четыре разряда:

1-й разрядъ составляютъ люди, которые говорятъ и пишутъ *мною и хорошо*.

Къ 2-му разряду принадлежатъ люди, которые говорятъ и пишутъ *мало и хорошо*.

3-й разрядъ содержитъ въ себѣ людей, говорящихъ и пишущихъ *мною и худо*; а

4-й разрядъ—говорящихъ и пишущихъ *мало и худо*.

Очевидно, ты принадлежишь, судя по замѣчательному свойству и малочисленности твоихъ писемъ, или къ 2-му или же къ 4-му разряду; но рѣшить именно, къ которому изъ 2-хъ, у меня не достаетъ ни достаточнаго остроумія, ни безпристрастія,

¹⁾ Не въ примѣръ другимъ письмамъ, гдѣ Пироговъ заполняетъ каждый клочекъ бумаги, это обращеніе написано на отдѣльномъ листкѣ, оборотъ котораго оставленъ чистымъ.

и потому предоставляю рѣшеніе этого важнаго вопроса знающимъ дѣло болѣе меня и отчасти самой тебѣ, надѣясь, что ты къ себѣ будешь, все-таки, въ качествѣ моей будущей жены, безпристрастиѣе, нежели я, въ качествѣ *щастливаго* жениха, какъ выражаются нѣмцы, для которыхъ всякой женихъ долженъ быть уже непремѣнно щастливъ.

Что касается до меня, то я, безъ всякаго сомнѣнія, также принадлежу къ одному изъ 2 классовъ; природа, не обращая ни малѣйшаго вниманія на сочувствіе нашихъ душъ, никакъ не хотѣла помѣстить насъ въ одномъ и томъ же разрядѣ и столкнула меня, какъ это кажется, судя по моимъ письмамъ, въ 3-й разрядъ. Жаль только, что она была не такъ милостива, какъ наше прозорливое Правительство и не учредило никакой пожизненной пенсіи при этихъ разрядахъ, какъ это учредило наше Правительство, раздѣливъ раненныхъ на различные разряды.

Принявъ это раздѣленіе всѣхъ говорящихъ и пишущихъ на 4 класса, я принимаю еще и другое, не менѣе важное въ практическомъ отношеніи, а именно: то, которое уже тебѣ отчасти извѣстно изъ моихъ писемъ изъ Италіи: ¹⁾ на 3 класса: разбойниковъ, воровъ и мошенниковъ.

Это раздѣленіе, соотвѣтствующее, по моему мнѣнію, вполнѣ 3-мъ періодамъ развитія каждой націи, находитъ свое приложеніе и къ развитію различныхъ классовъ въ каждой націи. Такимъ образомъ, въ нашемъ любезномъ отечествѣ, мы могли бы, нисколько не нарушая логической точности, отнести огромный классъ людей, весьма прилично одѣтыхъ для защищенія собственной своей особы и убійственно вооруженныхъ для нападенія на другихъ, къ первому классу: къ этому благородному классу можно бы было, по всей справедливости, отнести еще и коммисаріатскихъ чиновниковъ и смотрителей военныхъ госпиталей, если бы эти господа, по собственному своему влеченію, не избирали для себя втораго класса.

Что же касается до врачей, гомеопатовъ, магнетизоровъ, чиновниковъ юстиціи, почтамтскаго вѣдомства и другихъ шарлатановъ; то они искони, во всѣхъ Европейскихъ и даже Азіатскихъ націяхъ, вездѣ и всегда причислялись къ третьему или же занимали благоразумную средину между вторымъ и третьимъ. Само по себѣ разумѣется, что дамы, у насъ

¹⁾ Эти письма, повидимому, не сохранились. Въ литературѣ о нихъ вѣтъ никакихъ указаній.

еще не совершенно эманципированныя, не могутъ быть отнесены ни къ одному изъ этихъ 3-хъ разрядовъ, даже и въ томъ случаѣ, когда онѣ пользуются щастливою привилегіею супругъ и невѣсть особъ, размѣщенныхъ въ этихъ разрядахъ.

Но, за то, у меня есть еще одно раздѣленіе, которое имѣеть ту неоспоримую выгоду предъ двумя сказанными, что и дамы могутъ быть удобно въ нихъ помѣщены; а именно: во-первыхъ, на умалишенныхъ (т.-е. отъ роду), на съумасшедшихъ (случайно или насильно) и помѣшанныхъ. Можетъ быть, ты мнѣ возразишь, почему я во всѣхъ трехъ моихъ раздѣленіяхъ не допустилъ еще одного класса: людей, соблюдающихъ благоразумную средину или, выражаясь съ китайцами: укоренившихся на срединѣ. Но, я тебѣ отвѣчу на это, что благоразумная средина есть, во-первыхъ, совсѣмъ не наше, отечественное изобрѣтеніе; а чистое подражаніе французскому *juste milieu*, и мнѣ, какъ истому славянину, совсѣмъ неприлично слѣдовать иноземному взгляду на вещи; а во-вторыхъ, и у самыхъ французовъ, изобрѣтенная ими *juste milieu* есть чистая химера, утопія, идеаль, никогда не достигаемый и никогда не достижимый;—слѣдовательно, въ практической жизни онъ не имѣеть ни малѣйшаго приложенія, и люди, занимающіеся достиженіемъ этой химеры, также относятся или къ съумасшедшимъ или помѣшаннымъ.

Практическая же выгода этого раздѣленія очевидна. Принявъ его, мы дѣлаемся гораздо снисходительнѣе въ нашихъ сужденіяхъ о другихъ, гораздо легче будемъ извинять ихъ поступки, которые безъ того намъ кажутся иногда умысленными преступленіями, злыми пороками, и Богъ знаетъ какими злодѣйствами. Ничего не бывало—это просто однѣ помѣшательства ума. Въ судебной медицинѣ самое трудное дѣло рѣшить: находится ли человѣкъ въ здоровомъ умѣ или помѣшанъ? И, если мы посмотримъ на нашу собственную жизнь, то сколько найдемъ въ ней поступковъ и дѣйствій, которыхъ мы не могли бы сдѣлать, бывши въ здоровомъ умѣ!

Наша добродѣтельная кузина до сихъ поръ плачетъ и томится, думая, что она должна несть тяжелый крестъ, терзаемая поступками ея матери. Я, съ моей стороны, преспокойно отношу, какъ мать, такъ и дочь къ третьему классу моего послѣдняго раздѣленія; первую потому, что она не терпитъ, а вторую потому, что она терпитъ. Первую, потому что она безпрестанно собирается въ Ревель, и не уѣзжаетъ, укладываетъ въ сундуки какія-то порожнія банки, не даетъ завтракать Витгенштейну, жалуется на постоянную боль въ лѣвомъ боку, отпарываетъ

кружева отъ рукавовъ у ночныхъ рубашекъ старшей своей дочери и увѣряетъ Евгенію Петровну, что ей уже 55 лѣтъ, что она очень гадка собою и ей никакъ не годится выходить замужъ. Вторую, потому что она думаетъ, что совершаетъ весьма богуугодное дѣло, ложась рано спать по приказанію матери, когда ей хочется еще слушать любезности Николая Петровича, одѣвается и кушаетъ такъ, какъ приказываетъ мать, слушаетъ съ удовольствіемъ проповѣди Нильсена и не читаетъ *die Stunden der Andacht*.

Изъ-за чего хлопочуть обѣ? Одной не хочется, чтобы дочь вышла замужъ, и непременно хочется имѣть въ рукахъ всѣ ключи отъ шкаповъ. Другая хочетъ выйти замужъ, хочетъ сама хозяйничать, хочетъ, чтобы вмѣстѣ съ этимъ вся родня считала ее послушною и примѣрною дочерью и хочетъ увѣрить себя, что она въ угожденіе Богу несетъ крестъ. Я въ обѣихъ ихъ ничего не вижу худого и злого. Просто, мономанія.

Ей Богу, чрезвычайно отраднѣй, утѣшительнѣй взглядъ; принявъ его нельзя серьезно сердиться ни на людей, ни на себя. Я съ этимъ взглядомъ сержусь только иногда, въ припадкахъ сумасшествія, которымъ я такъ же часто, какъ и всѣ другіе, подверженъ. Когда припадокъ пройдетъ, а онъ у меня, слава Богу, рѣдко продолжается нѣсколько часовъ, то я опять спокоенъ. При томъ, это совсѣмъ не худо, что люди не постоянно находятся въ здоровомъ умѣ. Была бы ужасная монотонность; все было бы рассчитано, размѣрено и взвѣшено. То ли дѣло теперь? Чудесное разнообразіе!

Здравый смыслъ говоритъ: владѣй и управляй собою, чтобы давать себѣ отчетъ въ поступкахъ и не вовлечься въ непослѣдовательность. Одна непослѣдовательность, говоритъ онъ, влечетъ за собою другую, и конца нѣтъ; взошедъ разъ въ этотъ лабиринтъ изъ него никогда не выпутаешься, будешь послѣ раскаиваться, но поздно. Но, къ счастью для разнообразія житейской сцены, этого никто не слушаетъ: умалишенные этого ничего не понимаютъ, потому что и себя не понимаютъ; сумасшедшіе слышали когда-то про это, но, потерявъ умъ, потеряли и волю; а помѣшанные думаютъ, что слѣдуютъ этому правилу и даже кажется, что иногда дѣйствительно ему слѣдуютъ; но поступаютъ совсѣмъ иначе. И поэтому, все идетъ прекрасно, какъ нельзя лучше.

Было ли бы еще всегда хорошо, если бы всѣ принадлежали къ послѣдователямъ здраваго смысла,—это вопросъ; потому что это еще не доказано и никогда не будетъ доказано опытомъ. Но, что теперь, дѣйствуя въ качествѣ этихъ трехъ благо-

мыслящихъ классовъ, мы дѣйствуемъ очень часто прекрасно,— это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Напримѣръ, здравый смыслъ, если бы его слушались, вѣрно бы запретилъ, по крайней мѣрѣ, большей половиной изъ насъ жениться и замужъ выходить, толкуя, что не нужно увлекаться, нужно владѣть собою, взвѣшивать и взмѣривать обстоятельства, вникать во всѣ подробности и проч. и проч. и проч., а мы въ качествѣ умалишенныхъ, сумасшедшихъ и помѣшанныхъ женимся и выходимъ замужъ,—и очень хорошо дѣлаемъ; во-первыхъ, потому что это принято такъ другими умалишенными, сумасшедшими и помѣшанными; во-вторыхъ, что это намъ кажется очень весело, а въ третьихъ, потому что о слѣдствіяхъ мы считаемъ вовсе лишнимъ заботиться;—онѣ приходятъ и безъ насъ, сами по себѣ; при томъ же у насъ есть и самое надежное средство, если не избѣгнуть этихъ слѣдствій, которыя намъ иногда дѣйствительно не нравятся, то, по крайней мѣрѣ, утѣшить себя и опять развеселиться, когда онѣ придутъ;—это сказать, что онѣ пришли совсѣмъ не отъ насъ, а отъ судьбы; а такъ какъ судьба выше здраваго смысла и, распоряжаясь, совсѣмъ его знать не хочетъ, то, очевидно, что здраваго смысла намъ также совсѣмъ знать не нужно.

Оно и весело, и спокойно. Мало ли чего бы не захотѣлъ здравый смыслъ, если бы мы его избаловали и стали слушаться. Онъ пожалуй бы неженатому сказалъ: ну, почему тебѣ жениться, вѣдь, тебѣ и такъ живется, будетъ ли лучше, когда женишься, это вопросъ; а къ чему мѣнять сносное извѣстное, на неизвѣстное;—тоже бы сказалъ и не замужней, къ чему навлекать на себя новыя заботы и желать испытать то, о чемъ ты не имѣешь еще ни малѣйшаго понятія, ну что, если разочаруешься?—Но мы женимся и выходимъ замужъ, потому что въ качествѣ умалишенныхъ мы не знали, не знаемъ и знать не хотимъ, что дѣлалось и дѣлается вокругъ насъ, а сами дѣлаемъ все такъ, какъ это дѣлаютъ автоматы, въ качествѣ сумасшедшихъ мы поступаемъ съ сознаниемъ, но только не съ сознаниемъ здраваго смысла, а въ качествѣ помѣшанныхъ... Ну да объ этомъ слишкомъ долго рассказывать.

Будь весела и здорова, моя душа. Не забудь каждый разъ поклониться и поцѣловать и батюшку и матушку и сестеръ отъ меня. Не забывай меня.

Окончено вечеромъ 22 марта.

На почту отослано 23 марта. Это 4-е письмо.

Сообщилъ С. Штрайхъ.